

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Е.А. Знобищева

РУССКИЕ «МОЛОДЫЕ ВЗРОСЛЫЕ» В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ: СОЦИАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ СО СВЕРСТНИКАМИ ТИТУЛЬНЫХ ЭТНОСОВ

Одним из самых драматичных последствий распада Советского Союза явилось превращение двадцати пяти миллионов полноценных граждан единой страны в «национальные меньшинства» новых независимых государств. Закономерный отток русских репатриантов на историческую родину и масштабы репатриации сосредоточили внимание демографов, социологов, политиков на миграционных последствиях явления, породив целую серию социальных исследований [1; 6; 12]. По мере уменьшения вынужденных этнических переселенцев внимание начинает перемещаться к иному полюсу проблемы. Исследуются не механизмы, запускающие миграционный маховик, а механизмы адаптации русских в новые государственно-общественные системы, способы этнического бесконфликтного сосуществования. Формируется новый взгляд на русские диаспоры как на форпосты, катализирующие интеграционные связи России и ближнего зарубежья [4; 7; 10; 11; 13]. В это тематическое направление вписывается и наше исследование.

В качестве государств-объектов были выбраны наиболее характерные регионы, представляющие балтийскую, юго-западную и азиатскую этномодели: Эстония, Молдавия и Северный Казахстан (Карагандинская область). Выбор обусловлен следующими факторами. Во-первых, в

Знобищева Елена Александровна (р. 1963) — кандидат социологических наук (Москва).

Тел: (095) 382-85-54.

E-mail: longitud@orc.ru

данных регионах, в отличие от славянских государств, можно говорить о реальной дистанции между этносами, а следовательно и о значимой проекции этой дистанции на социальную жизнь. Во-вторых, в отличие от прочих неславянских государств, откуда либо уже фактически свершился (страны Закавказья, Таджикистан), либо прогнозируется (Киргизия, Узбекистан и Туркмения) неминуемый и массовый исход русских [9, с. 115], — налицо долговременная перспектива существования явления как такового. В Эстонии и Молдавии потери русских диаспор не вышли за отметку 10%, при этом тенденция к устойчивости интеграционных процессов нарастает. В самом проблематичном регионе — Казахстане, русская диаспора настолько велика (свыше 5 млн чел.), что даже прогнозируемый экспертами отток в ближайшие годы в 20% [9, с. 115] всего лишь уменьшает этнофеномен на определенную часть, оставая за порогом слишком большой значимости. Немаловажно также, что во всех трех регионах русские диаспоры занимают существенные позиции в этнических структурах новых государств. Наибольшее присутствие русских наблюдается в Казахстане (36% к 44%), при этом в северных областях, в частности Караганде, доминирование однозначное: два русских к одному казаху. В Эстонии доля русских составляет около одной трети, среди молодых возрастных групп — около четверти; в Молдавии — 13–14%, но вместе с украинцами, преимущественно русскоязычными, — около 30%.

Обратиться к исследованию проблемы в этих регионах позволили данные четвертого этапа лонгитюдного проекта «Пути поколения»*. Данный проект исследует судьбы выпускников начала 80-х гг. средних учебных заведений некоторых регионов бывшего Советского Союза [подробнее о проекте в 14, с. 11–28]. Специфика эмпирических данных состоит в их привязке к одной возрастной группе — ныне 32–35-летних, традиционно называемой в возрастной социологии «молодыми взрослыми».

Данные

Опрос проводился в 1997–1998 гг. Для моделирования оригинальные массивы наращивались за счет присоединения информации о супругах, как равноправных агентах исследования, если они отвечали критерию национальности и возрастному диапазону. Количественная и этно-пропорциональная характеристика выборок дана в табл. 1.

Исследовательский подход

Объяснительная аргументация строится на фундаменте «социального конструирования», которое в пике эссенциалистскому подходу видит отли-

* Инициатором проекта, начавшегося в 1982 г. был профессор Тартуского университета М. Титма. Он же является соруководителем четвертого этапа вместе с профессором Стэнфордского университета Н.Б. Тума.

Таблица 1

Этнопропорциональный состав выборок

Регион тип данных	Выборка (Число)	Этническое соотношение в общей совокупности (%)		
		Титульный этнос	Русские	Прочие славяне
Эстония				
Перепись 1989 г. (1964–1966 гг.)*	1573	62,5	28,6	5,8
Оригинальный массив	1774	79,1	16,8	2,3
Сконструированный	2484	80,8	19,2	—**
Молдавия				
Перепись 1989 г. (1964–1966 гг.)	4341	66,8	11,5	13,3
Оригинальный массив***	1176	69,8	14,6	12,7
Сконструированный	1611	82,3	17,7	—
Карагандинская область Казахстана				
Перепись 1989 г. (1964–1966 гг.)	1352	25,1	45,7	10,8
Оригинальный массив	1002	23,3	50,9	11,3
Сконструированный	1079	35,6	64,6	—

чия в существующих практиках этносов, но не в их субстанциональных свойствах [2, с. 35–62; 5].

В первую очередь учитывался этнократический характер новообразовавшихся государств. Отличительные характеристики сосуществующих в них русских и титульных этносов — это не столько характерологические спецификации, привносящие разнообразие в социальную жизнь, сколько скрытые и явные индикаторы перераспределения власти.

Этническое неравенство вписывается в тесное поле социального неравенства, и именно баланс разрешения притязаний и возможностей в конечном счете формирует эффективность интеграционного процесса. Даже при беглом знакомстве с проблемой очевидно, что, благодаря административно-законодательным усилиям новых государств, преимущество титульных этносов все более закрепляется и увеличивается. Выяснить степень «статусной кристаллизации» всех типов неравенства мы планируем через эффективность социальной конкуренции в наиболее важной, структурирующей социальное расслоение сфере — профессионально-материальной.

Для решения обозначенной задачи используется стандартный ход, часто применяемый в статистических алгоритмах: выдвигается радикальная гипотеза (например — нулевая связь), а дело экспериментального моделирования — подтвердить или опровергнуть крайнее предположе-

* В строке, соответствующей переписи 1989 г., и графе «выборка» представлена общая численность населения региона (в тысячах). Далее этнические пропорции указаны для возрастного диапазона 1964–1966 гг. рождения.

** Сконструированный массив, предназначенный для дихотомического причинно-следственного моделирования, отсеleктирован по национальному признаку (оставлены только русские и представители основного этноса).

***Из молдавского массива были исключены проживающие за пределами Молдавии, за исключением 84 респондентов, находившихся в Молдавии в отпуске.

ние. Скорее всего конкуренция в сфере труда и получении материальных вознаграждений не может не испытывать воздействия этнического фактора, однако масштабы этого воздействия неизвестны до начала «следственного эксперимента». В качестве отправной точки выдвигается версия дискриминационного влияния, с отрицательным вектором по отношению к русским представителям поколения «молодых взрослых». Именно дискриминация служит катализатором этнических конфликтов и превращению проблемы интеграции в проблему миграции.

Гипотезы о наличии дискриминации русских

1. Русским в новых государствах труднее сохранить ведущие позиции в профессиональной структуре в связи с реструктуризацией местных экономик и новыми этнополитическими условиями.

Емкие для специалистов отрасли, также как образование, культура, наука, средства массовой информации перешли на рельсы новой этнокультуры, следовательно, заполняются в основном представителями титульных этносов. На долю русских остается преимущественно сфера производства, где основная масса трудовых агентов имеет статус простых рабочих.

2. Русские в своей трудовой биографии переживают больше стрессов, связанных с увольнением. Чтобы сохранить уровень жизни они наиболее часто прибегают к двойной трудовой нагрузке (подработкам), индивидуально-трудовой деятельности.

Гипотеза исходит из того, что структурные перемены в экономике прежде всего коснулись русских, как наиболее сосредоточенных в кризисном секторе индустриального производства, отсюда и повышенный риск остаться безработным, и вынужденные адаптационные трудовые стратегии.

3. Формирование нового класса собственников в новых странах происходит с большим задействованием представителей титульного этноса, русские преимущественно остаются наемными работниками.

Гипотеза достаточно проблематична. Например в Латвии фиксируется повышенное присутствие русских в предпринимательской среде [13, с. 55]. Распад экономических связей и стагнация индустриального производства не оставляла выхода и стимулировала молодых взрослых русских найти себя в альтернативном частном секторе. Косвенно об этом свидетельствуют более высокие доходы этой этноподвыборки в начале и середине 90-х гг. в северо-восточных эстонских городах, населенных преимущественно русскими, где одновременно фиксировался самый высокий процент безработных [11, с. 153]. Однако наблюдение явления в динамике выявляет постепенное вытеснение русских из доходной сферы предпринимательства, более активный приток национальных кадров [13, с. 59–60]. Для стран Балтии, особенно для Эстонии, это связано с постепенной переориентацией на западноевропейский рынок. Таким образом можно предположить, что механизмы формирования слоя собственников во многом связаны с распределением власти, в том числе и в этнической плоскости.

4. Система материальных вознаграждений, как явных, так и косвенных, ориентирована в первую очередь на представителей титульного этноса.

Преимущественное право на рынке труда и социальная защищенность позволяют иметь накопительные семейные бюджеты, «обрастать» такими видами материальной собственности как модернизированная домашняя среда («белые» бытовые автоматы, компьютеры, сотовые телефоны, «тарелки» и т.п.) и автомобили. В число материальных характеристик входит и владение недвижимостью. Улучшение жилищных условий для русских весьма проблематично. Молодые взрослые русские в больших пропорциях, чем их сверстники из титульных этносов, проживают с родителями или родственниками.

5. Семейная сфера потребления у русских более капиталоемкая, так как значимая часть расходов приходится на инвестиции в дополнительное частное образование детей.

Требования «натурализации» в новой этносреде и недостаточность сети русскоязычных детских учреждений заставляют русских более интенсивно использовать альтернативные образовательные формы — частные школы, наем платных репетиторов, нянь и т.п. В то же время представители коренных наций преимущественно используют ориентированные на них государственные формы обучения.

Модель представляет собой перевернутую причинно-следственную конструкцию, когда в качестве независимой выступает единственная дихотомическая переменная (принадлежность к русским или представителям титульных этносов), а в качестве зависимых, детерминируемых национальной принадлежностью, — основные индикаторы профессионально-имущественного плана.

1) Индикаторы положения в трудовой сфере: профессиональный статус; отрасль; факт безработицы в трудовой биографии; факт вторичной трудовой занятости (дополнительной работы или разовых подработок); факт индивидуальной трудовой занятости (в форме изготовления вещей на продажу либо предоставления платных услуг).

2) Индикаторы материально-имущественного положения: наличие собственного дела, фирмы; показатель остаточности семейного бюджета после покрытия элементарных потребностей (питания, транспортных и коммунальных расходов); наличие предметов модернизированного быта (бытовой автоматики, средств связи); наличие автомобиля; жилищные условия (проживание с родственниками под одной крышей и наличие более одной комнаты для члена семьи); тип инвестиций в дополнительное качественное образование детей (бесплатное, за счет государственных структур, за свой счет).

Все «содержательно зависимые» переменные были предварительно проверены на наличие связи с «испытуемой» переменной национальности через тест Хи-квадрата.

Выбор математического варианта модели обусловлен, в первую очередь, номинальным характером переменной национальности. Наиболее адекватной для нашей задачи оказался формальный тип дихотомической логистической *регрессии*, базирующийся на уравнениях логита.

Результаты моделирования

Как свидетельствуют визуализированные в табл. 2 результаты моделирования, выявлено несомненное влияние этнофактора на неравенство в профессионально-имущественной сфере во всех трех регионах. При этом в наибольшей степени оно выражено в Эстонии и Молдавии, в наименьшей, но достаточно значимо — в Северном Казахстане. Не очень высокая контрастность в казахской модели объясняется, с одной стороны, небольшими размерами выборки, с другой — спецификой референтной группы (русские сравнивались с «северными», самыми низкостатусными в традиционном родовом делении казахами). В любом случае, результативность моделирования высокая, что и позволяет более детально обсудить состоятельность выдвинутых ранее гипотез.

Обсуждение гипотез

Конкуренция на рынке труда

Гипотеза о слабой представительности русских в верхних профессионально-должностных стратах подтвердилась частично в двух регионах — Эстонии и Казахстане. Действительно, позиции руководителей и специалистов верхнего звена имеют тенденцию (статистически значимую в Казахстане) заполняться в большей степени кадрами из титульного этноса, позиции рабочих — русскими. В то же время тезис о заниженной должностной статусности русских «подтвердился» с точностью до наоборот в Молдавии, где фиксируется вероятность попадания русских именно в верхнее звено управления и, одновременно, непопадание в ряды рабочих.

Трудовая специализация среди этносов, благодаря исторической практике и последствиям конкуренции на рынке труда, реально существует. Очевидно, что сельское хозяйство, как первооснова национальных экономик, повсеместно концентрирует лишь коренные национальные кадры. Также повсеместно русские молодые взрослые с наибольшей вероятностью попадают в производственные отрасли — промышленность, транспорт, строительство. Вторая специализация русских, зафиксированная в двух из исследуемых регионов (Эстонии и Молдове) — работники сервиса, торговли и охраны.

Гипотеза о большей стрессовой событийности трудовых биографий русских по сравнению со сверстниками титульных этносов подтвердилась в Эстонии и Казахстане. Сами эстонцы и казахи оказались более защищенными в плане стабильности трудовых карьер, русским же пришлось в основной своей массе пройти шоковый адаптационный путь. В Молдавии, наоборот, безработица коснулась в большей степени молодых представителей молдавского этноса.

Предположение, что в качестве антитезы давлению в трудовой сфере русские будут чаще выбирать двойную трудовую нагрузку (разовые подработки, вторичная занятость) и индивидуально-трудовую деятельность, практически не подтвердилось. Такие адаптационные формы трудового поведения оказались характерными столько же для русских,

Таблица 2

Логрессионные коэффициенты детерминации принадлежностью к русскому этносу (по сравнению с титульным) социально-экономического положения

Детерминируемые факторы:	Регион		
	Эстония	Молдавия	Северный Казахстан
Профессиональный статус			
1. Руководители и специалисты верхнего звена	-.07	.34**	-.29*
2. Специалисты среднего звена и конторские служащие	.07	.08	.14
3. Работники сферы обслуживания	.08	-.30	.26
4. Сельскохозяйственные рабочие	.13	(Sig=. 17)	.13
5. Промышленные рабочие	.39***	-.24 -.34**	.54***
Отрасль			
1. Сельское хозяйство	-1.67****	-1.57****	-.77**
2. Промышленность, транспорт, строительство	.56****	.59***	.57***
3. Культура, образование, наука, медицина, журналистика, госаппарат, общественные организации	-.30**	.07 .63***	-.19
4. Сфера обслуживания, торговля	.24*	.03	-.05
5. Силовые структуры	.96***		-.53*
Факт безработицы в трудовой биографии	.75****	-.39**	.32*
Вторичная трудовая занятость	-.44***	.03	.09
Индивидуально -трудовая занятость	.28 (Sig=.14)	.18	-.74**
Наличие собственного дела, фирмы	-.40**	.54**	.01
Остаточность семейного бюджета после покрытия элементарных потребностей	-.42***	-.29 (Sg=.10)	.00
Модернизированный быт (бытовая автоматика, компьютеры, сотовые телефоны, спутниковые тарелки и т.п.)	-.91****	-.04	.44
Наличие автомобиля	-.31**	-.12	.46**
Проживание под одной крышей с родителями (родственниками)	.16	.65****	-.35**
Наличие более 1 комнаты на члена семьи	-.12	-.45***	.13
Дополнительное образование детей			
1. бесплатное (государственное)	-.27**	-.37*	-.07
2. платное (частное)	.43****	.54***	.41**
<i>Число случаев в модели</i>	2480	1611	1079
<i>Константа модели</i>	-1.18**	-1.81***	0.46**
<i>Предсказанный моделью процент</i>	82.34%	82.50%	70.34%

Условные обозначения уровня связи (Signification):
 (*) P <<.10; (**) P <<.05; (***) P <<.01; (****) P <<.001.

сколько и для их ровесников иных национальностей. Более того, именно титульные этносы значимо прогнозируются: в Эстонии — по дополнительной трудовой нагрузке (следствие доминирования в бюджетной сфере), в Казахстане — по индивидуально-трудовой деятельности.

Первый вывод по результатам моделирования — это выделение двух принципиально разнящихся моделей конкуренции в сфере труда среди ровесников, разделенных этнической принадлежностью.

В модели «*невыигрышных шансов*», характерной для Эстонии и Северного Казахстана мы находим безусловное подтверждение влиянию этнополитики, которая языковыми и прочими фильтрами способствует вытеснению русских из бюджетных отраслей и управления. Производственная специализация русских на территории национальных республик, сложившаяся в годы советской власти, еще более усугубляется в поколении молодых взрослых.

Иная ситуация в Молдавии, где, в отличие от Казахстана и Эстонии, тип этнической конкуренции в сфере труда можно обозначить как модель «*выигрышных шансов*». Здесь бюджетные отрасли не закрыты фильтрами официального языка или гражданства и практически поделены на равных между всеми этносами. В республике также наблюдается тяготеющие русских к производственной сфере, однако, в отличие от первых двух регионов, со значимым отклонением в позиции специалистов и руководителей. С одной стороны, в Молдавии существенную роль играет изоляционизм практически монославянского Приднестровья, где, естественно, отсутствует какая-либо дискриминация по отношению к русским. С другой — сказываются образовательные ресурсы русских, существенно превышающие ресурсы ровесников-молдаван.

Итак, выигрышность—невыигрышность на рынке труда определяется, в основном, степенью концентрации в производственном секторе, наиболее кризисном и проблемном в реформационный период. Частотное попадание русских в сферу услуг, торговли и охранного сервиса в Эстонии и Молдавии можно оценить как закономерное на фоне стагнации промышленного производства; в немалой степени этому способствует и слабая регламентированность сектора, неотягощенность языковой и «гражданской» фильтрацией. Однако маркировать ее как «наиболее характерную для нацменьшинств» (вкуче с неквалифицированным и тяжелым трудом) [2, с. 51], в нашем случае не стоит. Занятость в торговле и малом бизнесе, благодаря получаемым дивидендам, показательная для молодых взрослых во всех постсоветских обществах, в том числе и в мононациональных регионах. Характерно что и прочие адаптационные формы на рынке труда — вторичная и индивидуальная трудовая занятость слабо различают этнические подвыборки молодых взрослых, демонстрируя, скорее, опосредованную связь с отраслью либо типом поселения.

Конкуренция в обладании материальными благами и социальными льготами

В плане имущественно-материальных различий между представителями двух этносов композиция регионов выглядит несколько иной. На

этот раз одиночно стоит Эстония. Именно здесь, согласно полученным логрессионным коэффициентам, русские существенно не дотягивают до стандарта сверстников-эстонцев в обладании автомобилями, джентльменским набором модернизированной бытовой техники и средств связи. Они также в меньших пропорциях владеют собственным делом или фирмой (концентрация в сфере услуг, торговли и охранного бизнеса нечто иное, поскольку там русские присутствуют преимущественно в качестве наемных работников). Возможность улучшить жилищные условия для русских несколько ниже, чем для эстонцев (большой процент проживает с родителями), но в модели закономерность выглядит только небольшим и статистически незначимым отклонением. Надо сказать, что даже при формальном совпадении, т.е. в метрах и количествах комнат, эстонский традиционный тип жилья в виде отдельного коттеджа имеет больший вес в ценовом и престижном отношении по отношению к типично русской панельной квартире на окраине города.

Накопительная способность семейных бюджетов представителей коренной нации, базируется, на наш взгляд, не только на прямых доходах (которые мало разнятся, что неоднократно отмечалось [14, с. 207; 11, с. 153]), сколько на большем присутствии в предпринимательской среде, большей стабильности трудовых контрактов со своими работодателями, большей социальной защищенности со стороны государства. В этом плане весьма показательным оказался предиктор дополнительного образования детей, устойчиво дифференцирующий этносы. Эстонцы предпочитают доступные им государственные формы качественного образования: специализированные муниципальные школы с углубленным изучением предметов, бесплатные секции, кружки, курсы. Русские — альтернативные частные формы, оплачиваемые из собственного кармана. Не случайно русские в большинстве своем (превышающим половину выборки) имеют «затратную» структуру расходов семейных бюджетов, полностью ориентированную на покрытие элементарных потребностей в еде и транспортно-коммунальных платежей. Эстонцы же тяготеют к остаточной структуре расходов, позволяющей не только сводить концы с концами, но и делать денежные накопления, приобретать ценные вещи.

Паттерны Молдавии и Северного Казахстана демонстрируют смешанные достижения русских — успехи по одним и отставание по другим индикаторам.

В Молдавии русские молодые взрослые на фоне сверстников-молдаван имеют худшие жилищные условия (по всей видимости, следствие слабого экономического развития зоны Приднестровья) и поставлены перед необходимостью дополнительных инвестиций в образование детей. В плане положительного доминирования наблюдается большее присутствие в сфере предпринимательства. Все прочие материальные показатели свидетельствуют только о легкой тенденции опережения молдаванами русских в потребительской сфере, но это опережение малозначимо.

В модели Северного Казахстана сигнальные предикторы доходов через «остаточность» семейных бюджетов и доли в классе собственников практически нейтральны. Как и в прочих регионах, фиксируется необхо-

димось для русских дополнительных вложений в образование детей из собственного кармана. В то же время русские молодые взрослые чаще оказываются владельцами автомобилей и дорогостоящей бытовой техники, имеют лучшие жилищные условия.

Основное наблюдение из попытки предсказать материальное поведение через признак национальности: наиболее сильно отстают от своих сверстников русские в Эстонии, где в целом материальный уровень достаточно высокий и приближается к западным стандартам потребления. В Казахстане и Молдавии продолжает существовать определенная «уровниловка», т.е. равенство если не в нищете, то в выживании. Однако отставание русских в Эстонии — это опережение по сравнению с прочими окраинами бывшего Союза. Согласно одномерным распределениям, практически каждый второй русский молодой взрослый в Эстонии имеет автомобиль, также примерно половина среди русских в этом регионе не покупила на приобретение технических бытовых новинок типа стиральной машины-автомата или компьютера. На фоне эстонцев (двое из трех в числе владельцев этого набора), это, конечно, низкий показатель. Однако в Молдавии и Северном Казахстане автомобилем владеет всего лишь каждый четвертый русский молодой взрослый, а домашние излишества позволяют себе и того меньше — каждый пятый в Молдавии и каждый девятый в Северном Казахстане.

Выводы

Наличие выраженных этнических стратификаций с участием русских, как главных конкурентных игроков постсоюзного пространства, и влияние этих этнорасслоений на характер этнической интеграции, лишний раз получили свое эмпирическое подтверждение.

Менее всего неравенство выражено в Молдавии. Судя по всему, здесь в культурной, профессиональной и материальной жизни наблюдается формирование своеобразного этнического плюрализма, во многом за счет лучших территориальных и образовательных характеристик русских. Однако ряд политических издержек, связанных с последствиями военно-этнического столкновения в Приднестровье и изолированностью автономии, не способствует для русских молодых взрослых получению каких-либо значимых экономических дивидендов от выигрышного социального положения.

Наиболее сильно кристаллизуется этническое неравенство в Эстонии, где традиционно более высок уровень жизни, и где есть что делить. Однако отставание в конкурентной борьбе со сверстниками для русских молодых взрослых выглядит относительным, если принять во внимание другую шкалу — шкалу бывшего союзного пространства. По сравнению с остальными регионами, в том числе и Россией, эстонское отставание в материальной сфере чудесным образом превращается в опережение, при этом высокая планка стандартов экономического успеха стимулирует интеграционные стратегии русских молодых взрослых, повышенную лояльность и адаптивность, включая языковую и политическую.

Казахский вариант социальной конкуренции повторяет в еще более усугубленном виде эстонский тип дискриминации в плане труда — ограниченность реализации индустриально-промышленной сферой при слабой экономической достижительности. Такое малоэффективное сочетание факторов делает русско-казахскую интеграционную модель самой неустойчивой, что и выражается в повышенных миграционных настроениях, опять-таки сдерживаемых неудовлетворительными материальными достижениями.

Литература

1. Демографический потенциал России / Отв. ред. А.А. Беляева. Москва, ЦКСИиМ. 1996. Вып. 5–6.
2. Ильин В.И. Этнос как результат социального конструирования // Человек и этнос: философия, социология, этнология / Под ред. В.А. Семенова. Сыктывкар: СГУ, 1998.
3. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: СГУ, 1996.
4. Каузан В.М. Русские в мире. Russian of the world: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. СПб.: Русбалт.информ.центр «Блиц». 1996.
5. Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга / Ред. В. Воронков, И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.
6. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА, 1996.
7. Михайлов В.А. Развитие связей Российской Федерации с соотечественниками в ближнем зарубежье // Государственная служба Российской Федерации и межнациональные отношения / Под ред. Р.Г. Абдулатипова. М.: Луч, 1995.
8. Население СССР: Статистический ежегодник / Гос. комитет СССР по статистике. М.: Финансы и статистика, 1989.
9. Население России 1997. Пятый ежегодный демографический доклад. Ин-т народно-хоз. прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека / Отв. ред. А.Г. Вишневский. Москва: Университет, 1998.
10. Новые славянские диаспоры. М., 1996.
11. Райтвийр Т. Этнополитический конфликт в Эстонии // Социологический журнал. 1995. № 2.
12. Русские в ближнем зарубежье / Отв. ред. В.И. Козлов, Е.А. Шервуд. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994.
13. Симонян Р.Х. Бизнес по-русски и по-латышски // Социологические исследования. 1997. № 11.
14. Социальное расслоение возрастной когорты. Выпускники 80-х в постсоветском пространстве / Отв. ред. М. Титма. М.: Институт социологии, 1997.
15. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12.
16. Федоров Н.В. Проблема этносоциальной интеграции иммигрантов из бывшего СССР в германское общество. М.: Социоэкономика, 1998.
17. Barbara A. Anderson, Brian D. Silver, Mikk Titma and Eduard D. Poranin. Estonian and Russian Communities. Ethnic and Language Relations // International Journal of Sociology. 1996. Vol. 26. № 2.
18. Barrington Lowell. The Domestic and International Consequences of Citizenship in the Soviet Successor States // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. № 5.
19. U.S. Department of State Country Reports on Human Rights Practices for 1996 // http://www.state.gov/www/global/human_rights/1996_hrp_report.